

ПРОДУКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ АКТОРОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАИДЕНТИЧНОСТИ

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
markovius@gmail.com

А. М. Сосновская

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия
sosnovskaya-am@ranepa.ru

Медиаидентичность в условиях цифровой трансформации общества представляет собой сложный, динамически изменяющийся феномен, где традиционные границы между создателем и потребителем контента становятся все более размытыми. В данной статье рассматривается ключевая роль неопределённости как конструктивного фактора в процессе формирования медиаидентичности. Предлагается инновационный теоретико-методологический подход, объединяющий принципы акторно-сетевой теории (ANT) Бруно Латура, концепции плоских онтологий (Латур, Харман, Деланда) и разработанную авторами несодержательную методологию анализа.

Основной тезис исследования заключается в том, что неопределённость не должна восприниматься как проблема или ограничение в изучении медиаидентичности. Напротив, она выступает важнейшим ресурсом, позволяющим выявлять латентные связи, новые типы акторов и неочевидные механизмы конструирования идентичности в цифровой среде. Подробно анализируется, как состояние неопределённости создает условия для возникновения новых форм субъектности, переопределяет границы между человеческим и нечеловеческим (алгоритмы, интерфейсы, цифровые артефакты) и способствует постоянной пересборке идентичностей.

Эмпирическая часть работы включает серию кейс-стади, демонстрирующих продуктивность предложенного подхода: от анализа практик видеоблогеров до исследования взаимодействия с искусственным интеллектом и виртуальными музеями. Особое внимание уделяется проекту «Виртуальный Эрмитаж» как примеру того, как цифровые технологии создают новые форматы переживания культурного наследия и, соответственно, новые паттерны медиаидентичности.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке оригинальной концепции продуктивной неопределённости и несодержательной методологии, предлагающей принципиально новые способы анализа медиаидентичности. Практическая ценность работы проявляется в возможности применения предложенных подходов для изучения современных цифровых практик, проектирования пользовательских интерфейсов и разработки стратегий управления идентичностью в социальных медиа.

Ключевые слова: медиаидентичность, цифровая идентичность, неопределённость, продуктивная неопределённость, акторно-сетевая теория, ANT, плоские онтологии, несодержательная методология, Бруно Латур, Грэм Харман, Мануэль Деланда, искусственный интеллект, виртуальные музеи, цифровые практики

PRODUCTIVE USE OF UNCERTAINTY IN IDENTIFYING ACTORS OF MEDIA IDENTITY CONSTRUCTION

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
markovius@gmail.com

Anna M. Sosnovskaya

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russian Federation
sosnovskaya-am@ranepa.ru

Media identity in the context of society's digital transformation represents a complex, dynamically changing phenomenon where traditional boundaries between content creators and consumers are becoming increasingly blurred. This article examines the crucial role of uncertainty as a constructive factor in the process of media identity formation. The authors propose an innovative theoretical and methodological approach combining the principles of Bruno Latour's Actor-Network Theory (ANT), concepts of flat ontologies (Latour, Harman, DeLanda), and the original non-substantive methodology developed by the authors. The central thesis of the study is that uncertainty should not be perceived as a problem or limitation in researching media identity. On the contrary, it serves as a vital resource for uncovering latent connections, new types of actors, and non-obvious mechanisms of identity construction in the digital environment. The article provides a detailed analysis of how the state of uncertainty creates conditions for new forms of subjectivity to emerge, redefines boundaries between the human and the non-human (algorithms, interfaces, digital artifacts), and facilitates the constant reassembly of identities. The empirical part of the work includes a series of case studies demonstrating the productivity of the proposed approach: from analyzing the practices of video bloggers (Ksenia Prikhodko, Dmitry Sverlov) to examining interactions with artificial intelligence and virtual museums. Special attention is paid to the "Virtual Hermitage" project as an example of how digital technologies create new formats for experiencing cultural heritage and, consequently, new patterns of media identity. The theoretical significance of the research lies in the development of an original concept of productive uncertainty and a non-substantive

methodology offering fundamentally new ways to analyze media identity. The practical value of the work is manifested in the potential application of the proposed approaches to studying contemporary digital practices, designing user interfaces, and developing identity management strategies in social media.

Keywords: media identity, digital identity, uncertainty, productive uncertainty, Actor-Network Theory, ANT, flat ontologies, non-substantive methodology, Bruno Latour, Graham Harman, Manuel DeLanda, artificial intelligence, virtual museums, digital practices

DOI 10.23951/2312-7899-2025-3-94-120

Введение

В современности медиаидентичность становится важным аспектом социальной жизни, формируя представления о себе и окружающем мире. Медиаидентичность может определяться как восприятие и формирование человеком собственной идентичности через призму медиа. В полном смысле слова о медиаидентичности стало возможно говорить, когда каждый человек стал не только потребителем, но и производителем медиаконтента. Отбор медиаконтента, его кастомизация, адаптация и трансформация производятся тогда динамично самыми разными акторами, от производящих медиасообщения крупных корпораций до любого конечного пользователя, который эти сообщения по-своему трансформирует, использует и запоминает. Такие явления, как «эффект Манделы», говорят как об аккумуляции неопределённостей со стороны производителей контента, так и о стремящихся к фантомности упрощениях сложных и противоречивых сообщений со стороны пользователей, причем оба процесса происходят во многом бессознательно¹.

А. В. Полонский определяет медиаидентичность как целенаправленное действие человека, позволяющее «ему результативно реализовать в медиасреде свою субъектность» [Полонский 2022, 6]. «Медийная идентичность, таким образом, формируется в результате системного и параметризованного отклика человека на медиа, на их динамику, на их содержательные и технологические форматы, на их актуальные тренды, мотивированные ими практики, а также на их „роскошное“ коммуникативно-технологическое, интеллектуальное и эмоциональное предложение» [Полонский 2022, 6].

¹ Эффект Манделы – когнитивное искажение, при котором человек ошибочно считает, что помнит определённое событие. Причины его возникновения включают ошибки памяти, влияние внешних факторов и дезинформацию, распространяемую через СМИ и Интернет.

О. А. Штайн возводит медиаидентичность к опытам уличного искусства авангарда, которые формировали одновременно городскую, пролетарскую и революционную идентичность, будучи книгой для неграмотных и одновременно включая всех своих зрителей в эту книгу, так что сама история как бы листала страницы с судьбами всех людей. Медиаидентичность Штайн рассматривает в теоретической рамке критических теорий как попытку противостоять капиталистическому отчуждению, но ведущую только к новым топографиям [Штайн 2024, 54]. Опираясь на психоанализ Лакана («расщепленное Я» и «воображаемое») и топографическую критику Делёза («мембрана субъектности», «ретерриториализация»), Штайн тонко обращает внимание на принципиальную непродуктивность (незавершенность) действия в Сети. Это действие, которое лишь одно из многих в системе действий пользователя, – тогда как идентичность пользователя определяется заполнением воображаемой карты действий – он может зафренджить и отфренджить, и только заполнение френдзоны создает его медиаидентичность в качестве человека, имеющего френдов, или человека, производящего востребованный контент. «Какие формы деятельности в Сети мы наблюдаем? Провайдить, хейтить, лайкать, зафрендиться, – производится постоянная редукция действия. Информация отфильтровывается, страницы маркируются, контуры статуса собственной идентичности заливаются и заполняются наподобие контурных карт в учебниках географии. Медиаидентичность в Сети считывает контент, задает вопросом навигацию, ходит по линкам и ссылкам, выстраивает собственные маршруты, перераспределяет информацию, стучится к кому-то, отфрендживает кого-то. Происходит биографическое завоевание: Я отвоевывает себя в пространстве Интернет» [Штайн 2024, 55]. Такое завоевание и есть эффект скорее географии Сети, чем собственного порядка действий индивидуального пользователя. Именно эта география Сети становится всё более неопределённой, чему и посвящена наша статья.

Ещё один релевантный ракурс рассмотрения относится к агентности вещей и медиа, а также аффордансов, которые направляют, как театральная биомеханика Мейерхольда, действия людей, формируя их медиаидентичность почти неосознанно, когда человек обнаруживает себя в процессе скроллинга и подчинения правилам и алгоритмам. Предлагаемый подход позволяет глубже понять, как различные объекты и медиаформаты фоново влияют на наше поведение и восприятие, создавая определенные условия для формирования артикулированного интереса и взаимодействия. Участники

коллективного труда «Изучение практик коммуникации: от энто-методологии к теории сетей» [Изучение практик 2025] критически разрабатывают эту оптику, отмечают важность семантического поля и агентной среды, в которой происходит коммуникация и которая борется за наше внимание и действие, отклоняя его от намеченных целей.

А. В. Марков и А. М. Сосновская [Марков, Сосновская 2025], а также О. Ю. Привалова [Привалова 2023; Изучение практик 2025] акцентируют внимание на агентности дизайна и шрифтов. Они показывают, как визуальные элементы могут не только передавать информацию, но и активно формировать восприятие, поведение пользователей, переплетаться с телесностью и соматизироваться. Дизайн становится не просто эстетическим выбором, но и мощным инструментом, который может направлять действия аудитории и создавать в ней определенные ожидания. Если исходить из предпосылок объектно-ориентированной онтологии, приняв их всерьёз [Harman 2011], то эстетический опыт – это не только интуитивное понимание, нравится нам что-то или не нравится, и даже не совсем то, что вызывает эмоции, а то, с чем я могу идентифицироваться и театрально разыграть.

Третий ракурс, который стоит упомянуть, касается семантического поля возможностей для действий, обобщённых в концепции полипотентности поля [Курпатов 2025]. В условиях разнообразия стимулов и множественности возможных действий возникает неопределённость. Люди сталкиваются с множеством выборов, и это может как расширять их возможности, так и создавать затруднения в принятии решений. Участвующее в идентификации тело не успевает отнестись к стимулу и пережить / произвести отклик. Неопределённость становится неотъемлемой частью современного опыта, где выбор одного пути исключает и теряет другие.

Таким образом, при определении акторов конструирования медиаидентичности необходимо учитывать, что идентичность пользователя определяется не только его действиями в сети, но и тем, как он заполняет «воображаемую карту» своих взаимодействий, как визуальные элементы и шрифты формируют восприятие и поведение пользователей, как разнообразие выборов семантического поля возможностей может как расширять возможности для действия, так и создавать затруднения в восприятии и принятии решений.

Рассмотрим пример медиаидентичности личности – деятельность петербургского видеоблогера Ксении Прихотько. Пародируя

фэшн-образы (визуальные и аудиальные) во всем их разнообразии, Ксения Прихотько создает и свой собственный мнимый образ – ма-нерной интеллектуалки с налетом снобизма, пытающейся всех по-разить своей загадочностью и талантами сценариста, кинокритика, философа. Она совершает ретрит под портретом Бродского, за не-достатком солнечных дней в Петербурге читает «Ролана Фуко», а потом изучает французских теоретиков в оригинале, просто пере-вернув книгу вверх ногами, выступает как оригинальный кинокри-тик, который вместо штампа «Этот фильм заставляет задуматься» выдает «Этот фильм заставляет промолчать» и высокопарно сме-шивает банальные аллегорические прочтения фильмов с намёка-ми на личные знакомства в мировой киносреде. Понятно, что эта пародийная «интеллектуалка» с опознаваемыми чертами мифа о петербурженке (соединение холодной сдержанности и некоторой богемности) – не то же самое, что какая-либо из комических ролей Ксении Прихотько вроде университетского преподавателя «Сек-систа Ивановича», считающего только студентов умными, а студен-ток тупыми, – это как бы она в пародийном своем измерении, сама общительная выпускница университета, умеющая говорить о кни-гах и фильмах. Но мы понимаем, что пародируется здесь не лич-ная идентичность Ксении Прихотько или женщин того или иного ее круга (тем более, что описать все круги, к которым она может лично принадлежать или в которых опознаваться как своя, затруд-нительно), а её медиаидентичность, понятная всем её подписчикам независимо от личного отношения к Петербургу, постмодернизму или Бродскому.

И Ксения, и другой видеоблогер с петербургской тематикой Дмитрий Сверлов (иногда разыгрывает интеллектуала из Петер-бурга) используют петербургские реквизиты для конструирования медиаидентичности: набережные, парадные, театр, томик Бродско-го. У Ксении репертуар глубже уходит в культуру интеллигенции и претенциозной богемы, у Дмитрия репертуар шире – он также разыгрывает достаточно эстетично и на интеллектуальном уровне вайбы коммуналок, гопников и других феноменов Петербурга.

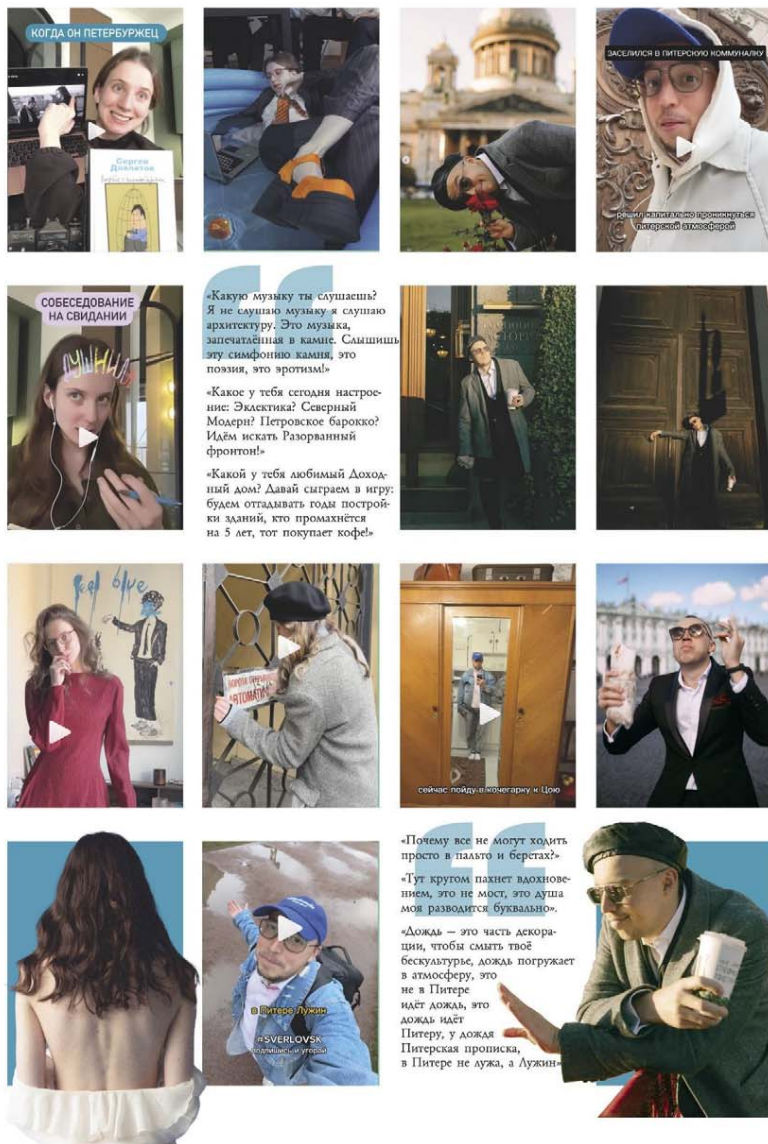
Медиаидентичность тогда включает в себя по крайней мере че-тыре аспекта: 1) самосознание и самооценку (например, соответ-ствие идеалам красоты в социальных сетях, что может вселять уве-ренность при соответствии этим стандартам); 2) социальные связи – выбор тех, кто тебя принимает как ты есть, вместе с твоими недо-статками, предпочитая тебя поддерживать; 3) стресс и тревога (от несоответствия сложившимся в том или ином сетевом кругу стан-

дартам); 4) кризисность – из-за постоянного потока информации постоянно происходит ломка привычного поведения, затрудняется осознание собственных ценностей и убеждений. Ксения Прихотько умело работает со всеми четырьмя аспектами: она ловко уходит от вопроса о самооценке, педалирует недостатки своего Я-персонажа в пародийном ключе, стресс превращает в комическое квипрокво, а кризисность заменяет дальнейшим выстраиванием своей роли петербургской интеллектуалки, ценности и убеждения которой как бы всегда при ней.

Поэтому чем больше Ксения Прихотько не разыгрывает разные интересные роли, а выстраивает свою пародийную эксцентричную медиаидентичность, тем более её медиаидентичность оказывается востребована зрителями как спокойная и правильная. Из ситуаций неопределённости она выходит в определённости самопародии, оказываясь актором самих форматов, в которых она предоставляет информацию о себе, – мы легко догадываемся, например, что она имеет высшее гуманитарное образование; но нам важно не это, а формат беседы, встречи или самопрезентации. В то же время мужчина-комик с теми же стратегиями самопародии и эксцентричности может позволить себе утрировать сильнее и резче до абсурда, что приводит к смеху и разрядке напряжения. Эти и другие сцены представляют структурированные нарративы с завязкой, кульминацией и развязкой, то есть с границами, которые структурируют наш опыт и впечатления, апеллируя к прецедентным текстам, почти предсказуемо, дежавю, и через это почти-дежавю справляясь с ситуацией неопределённости.

В коллаже¹ (ил. 1) текст нашей героини описывает уникальный и кокетливый взгляд на восприятие архитектуры как музыки, представляя здания как симфонию камня с поэтическими и эротическими элементами. В нем игриво предлагается угадать годы постройки зданий в виде игры, где ставкой является покупка кофе для того, кто промахнётся на пять лет. Текст нашего героя также затрагивает культурные отсылки, контрастные предпочтения в искусстве и кино, а также чувственный опыт дождя в городе, символизирующего вдохновение и культурное погружение. Общий тон причудливый и поэтичный, предлагающий читателю воспринимать городские пейзажи как произведения искусства и находить красоту в архитектурных и других локальных деталях.

¹ На иллюстрации даны скриншоты роликов из социальной сети Инстаграм. С 09.07.2021 деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram – на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

Ил. 1. Образы медиаидентичности

Ключевое понятие нашей статьи «неопределённость» будет раскрыто ниже. Пока мы отметим связь понятия неопределённости с учреждением границ. Граница должна пониматься не просто как разграничение, но как постоянная организация самостоятельности, постоянное прочерчивание зоны определенности в зоне неопределённости. При этом сама эта зона определенности, если она

формируется из медийных интервенций, впечатлений от новых медиа, оказывается максимально неопределённой: как бы выворачивается в первичную неопределённость, требующую проводить новые границы. Поэтому проблемой здесь оказывается не место разграничений, а акторы, которые ускоряют это проведение границ и тем самым создают статичную и в чем-то ироничную медиаидентичность. В условиях постоянных изменений и неопределённости, вызванных развитием технологий и медиа, необходимо переосмыслить подходы к исследованию акторов, участвующих в конструировании медиаидентичности. В данной статье мы рассмотрим, как продуктивное использование неопределённости может способствовать выявлению и анализу этих акторов и в конце концов как это может повлиять на понимание медиаидентичности в целом.

Теоретические основы неопределённости

Неопределённость для нужд социальных наук может быть определена как состояние, при котором отсутствует чёткое понимание будущего или возможность предугадать развитие текущих событий. Это состояние может возникать из-за множества факторов, таких как сложность социальных взаимодействий, разнообразие мнений (подходов к определению события и его результата) и отсутствие фиксированных значений, связанных с процедурами прогнозирования.

Неопределённость в социальных науках часто рассматривается через призму теории сложности (complexity theory), которую развивали такие исследователи, как Джон Урри [Urry 2005] и Никлас Луман. Согласно Урри, социальные системы обладают нелинейной динамикой, что делает их поведение труднопредсказуемым. Моделирование социальных процессов поэтому не может быть сведено к простому моделированию связей и зависимостей и требует новых методологических подходов, учитывающих хаотические элементы. В каком-то смысле, добавим, появление новых медиа одновременно было учётом постоянного количественного роста информации с тенденцией к хаотизации и методической работой по постоянному новому проведению границ уже между хаотическими состояниями, например импровизирующей самопрезентацией и признанием непредсказуемости (нелинейных и непредвиденных сценариев) во внешнем мире.

Крупнейший немецкий социолог Ульрих Бек в своей теории «общества риска» [Beck 1992] полагал неопределённость ключевой

характеристикой позднего модерна. По его выводам, глобализация и технологический прогресс порождают новые формы рисков, находящихся вне привычных подсчётов. Поэтому традиционные институты, такие как государство и наука, не смогли во многих случаях должным образом отреагировать на новые вызовы, усилив ощущение нестабильности в обществе. Бек прямо не говорил о новых медиа, но тем не менее подразумевал, что привычные способы описания реальности, связанные с традиционными медиа, уже не дают эффекта прежнего знания, перехода от количественных наблюдений к качественным. Бековская версия качественной социологии имеет в виду концептуализацию общества в рамках своеобразной сильной программы в науковедении [Bloor 1976] с признанием разных видов социальных границ при единстве агентов в социуме. Так, границы социального действия не те же, что границы социальной рефлексии или границы социального участия, хотя социум представляет собой ценностно-событийное единство.

Существенный вклад в изучение неопределённости внёс Энтони Гидденс [Giddens 1991] своей концепцией «онтологической безопасности». Согласно Гидденсу, в условиях высокой неопределённости индивиды стремятся к созданию устойчивых рутинных доверительных отношений, снижающих тревожность. Но сразу заметим, что в эпоху цифровых технологий и социальных медиа эти механизмы часто отказывают, так как информационный поток усиливает когнитивную перегрузку.

В экономической социологии проблему неопределённости исследует на материале социального влияния финансовых рынков Дональд Маккензи [MacKenzie 2006]. Он доказал, что даже математические модели, призванные минимизировать риски, могут сами становиться источниками нестабильности, как это произошло во время финансового кризиса 2008 года. Получается, что неопределённость не является чисто объективным феноменом, а конструируется через практики и дискурсы участников рынка. Тем самым Маккензи на частном примере предугадал нашу модель выворачивания зоны определённости из-за постоянного смещения границ между способами идентификации.

Наконец, постструктуралистские подходы, представленные в работах последователей Мишеля Фуко и Джудит Батлер [Butler 1990], рассматривают неопределённость как следствие размывания устойчивых категорий. Батлер анализирует, как гендерные и политические идентичности становятся все более текучими, что приводит к новым формам социальной напряжённости. Тогда неопреде-

лѐнность – это не просто временное состояние, а фундаментальная характеристика современного общества, где границы не только между идентичностями, но и между инструментами идентификации постоянно меняются. Неопределѐнность создаѐт множественности (плюральности) со своими границами, и можно говорить о констелляциях таких множественностей, что прямо открывает выход к плоским онтологиям, если мы судим об интеллектуальной истории не с точки зрения положительных идей, а с точки зрения работы со множественными границами.

Плоские онтологии (*flat ontologies*), развиваемые такими теоретиками, как Бруно Латур [Latour 2005; Латур 2017], Мануэль Деланда [DeLanda 2006] и Грэм Харман [Harman 2011], требуют особого взгляда на неопределѐнность, отвергая иерархические структуры в пользу горизонтальных сетей взаимодействий. В отличие от классических социальных теорий, где неопределѐнность часто рассматривается как решаемая проблема, плоские онтологии трактуют её как имманентное свойство реальности, заведомо лишѐнной фиксированных уровней бытия. Вопрос о границе между уровнями оборачивается вопросом об акторе, проводящем границу здесь и сейчас, в том числе в её материально-чувственной проявленности.

Так, Латур в рамках акторно-сетевой теории (*Actor-Network Theory*; ANT) утверждает, что неопределѐнность возникает из-за постоянной пересборки ассоциаций между человеческими и нечеловеческими акторами. В его работе «Пересборка социального» [Latour 2005] подчѐркивается, что социальное не является устойчивой структурой, а представляет собой динамичный процесс, в котором связи постоянно меняются, порождая конфигурацию, не следующую из предыдущих конфигураций. Тогда неопределѐнность – не отклонение от нормы, а естественное состояние социоматериальных сетей. В таком случае медиаидентичность оказывается не чем иным, как одним из инструментов поддержания такого естественного состояния на уровне восприятия себя.

Деланда, опираясь на философию Жюль Делѐза, вводит концепцию «сборок» (*assemblages*), где социальные и материальные элементы взаимодействуют без жѐсткой детерминации. В работе «Новая философия общества» [DeLanda 2006] он показывает, что неопределѐнность встроена в саму природу сборок, поскольку их компоненты могут перегруппировываться под влиянием внешних и внутренних сил. Это означает, что предсказание социальных изменений всегда будет частичным, так как система обладает свойством эмерджентности – возникновением качественно новых

свойств, не сводимых к сумме частей. Эмерджентностью тогда оказывается повторное переключение из зоны определённости в зону неопределённости и опять в зону определённости, то есть двойное выворачивание начальной конфигурации восприятия окружающего мира, которое может трактоваться различно, прежде всего как чудо. На религиозно-философском потенциале плоских онтологий настаивает Андрей Шишков (Телеграм-канал «Радио Харман. ООО и все-все-все»¹), утверждающий, что материальная вещь и образует фасцинирующий религиозный опыт.

Харман, представитель объектно-ориентированной онтологии (ООО), идёт ещё дальше Латура и Деланда, утверждая, что неопределённость коренится до конца в самой природе объектов, которые никогда не раскрывают себя полностью. В книге «Четвероякий объект» [Harman 2011] он пишет, что реальность состоит из автономных сущностей, взаимодействующих опосредованно, через «чувственные» (sensual) аспекты, а не напрямую. Это создаёт фундаментальную эпистемическую неопределённость, поскольку любой объект всегда остаётся частично скрытым, а его влияние на другие объекты – непредсказуемым. Его подход оказывается ближе не к пониманию чуда, а к пониманию знамения в новозаветном смысле как непредсказуемого влияния, застающего всех врасплох, но прямо относящегося к автономии сущности. Например, евангельская смоковница была испепелена, хотя с точки зрения антропоцентрической она не обладает агентностью и потому не виновата в том, что на ней не было плодов; но она должна была попасть в зону определённости, или новой естественности, уже не наблюдаемой обыденной естественности, а щедрой естественности. Как это трактует поэт и теолог О. А. Седакова: «Естественное (и в ещё высшей мере законы этого естества, вроде тех, которые открываются герою – диагносту и поэту) – свободно: наподобие того, как свободно в своём развитии вдохновенное создание человека, скажем, музыкальное сочинение, исполняющее при этом предписания какого-то точного закона. <...> „естественно“, „даровито“ для смоковницы было бы отозваться на жажду и дать плоды – это было бы не нарушением „чина естества“, а его „исполнением“» [Седакова 1998, 213].

Наконец, Леви Брайант в рамках «онтологии машин» (machine ontology) рассматривает неопределённость как результат множественности способов, которыми сущности (они же «машины») взаимодействуют друг с другом. В книге «Демократия объектов» [Bryant 2011] он отвергает антропоцентризм, показывая, что неопределённость прису-

¹ https://web.telegram.org/k/#@radio_harman (дата обращения: 27.08.2025).

ща не только человеческим практикам, но и всей материальной реальности. Так, он радикально децентрирует социальные науки, заставляя рассматривать неопределённость не как отличительную черту человеческого общества, но как универсальный онтологический принцип. Как универсальный онтологический принцип мы и рассматриваем саму пересборку и сопровождающие её процедуры захвата, в ходе переклечения от неопределённости к определённости.

Наше мышление, как показал психиатр А. Курпатов [Курпатов 2025], цитируя когнитивного психолога Стивена Пинкера, неразрывно связано с телесным опытом, поскольку даже самые абстрактные понятия укоренены в физических ощущениях, что открывает доступ к уникальному измерению смысла, недоступному ИИ, не обладающему телом и эволюционным опытом взаимодействия с миром. Но медиаидентичность в эпоху ИИ позволяет вывернуть телесный опыт как непротиворечиво чувственный в сторону непротиворечиво интеллектуального когнитивного опыта.

Искусственный интеллект (ИИ) обладает уникальными когнитивными преимуществами, которые делают его мощным инструментом в обработке информации. Во-первых, его способность одновременно обрабатывать и удерживать огромные объёмы данных значительно превосходит человеческие возможности. ИИ может выявлять закономерности в больших массивах информации, которые недоступны для человеческого анализа, что позволяет ему достигать уровня понимания, недостижимого для ограниченной рабочей памяти и внимания человека. Во-вторых, ИИ не подвержен когнитивным искажениям, характерным для человеческого мышления, таким как подтверждающее смещение или эффект привязки. При правильном обучении он может быть более объективным в своих оценках и прогнозах, что позволяет ему избегать ловушек, в которые часто попадает человек.

Однако истинный потенциал взаимодействия человека и ИИ заключается не в конкуренции, а в комплементарности. Различия в когнитивных профилях человека и ИИ дополняют друг друга, создавая условия для синергии и нового уровня понимания сложных вопросов. Человек привносит в этот диалог телесную мудрость, экзистенциальную глубину и социальную интуицию, в то время как ИИ добавляет масштаб обработки информации, когнитивную объективность и способность удерживать (маркировать) противоречия. Вместе они могут сформировать когнитивную экосистему, ИИ-медиаидентичность, способную решать проблемы, которые слишком сложны для каждого из нас в отдельности.

Источники неопределённости

Страх неопределённости и стремление избежать когнитивного диссонанса приводят людей к упорству в своих убеждениях, даже когда они сталкиваются с противоречащей информацией, как это показал автор теории когнитивного диссонанса психолог Леон Фестингер в исследовании религиозной группы, предсказывавшей конец света. Латур в книге «Пересборка социального» [Latour 2005] выделяет пять источников неопределённости, которые могут быть применены к исследованию медиаидентичности именно не для того, чтобы снять диссонанс, а наоборот, чтобы в неопределённости увидеть агентность и потенциал вещей:

1. Группы пересобираются: в контексте конструирования медиаидентичности группы могут формироваться и распадаться в зависимости от вовлеченности в дискурс, что приводит к постоянному переопределению границ идентичности. Примером этого утверждения может служить движение Black Lives Matter, которое возникло в ответ на случаи полицейского насилия и расовой дискриминации (2013). В контексте присутствия этого движения группы людей, объединённых общей целью и ценностями, формируются и распадаются в зависимости от их вовлеченности в дискуссии о расовой справедливости и социальных изменениях.

2. Действие захватывается: взаимодействие между акторами может быть подвержено влиянию медиа, что изменяет их действия и цели, как, например, влияние социальных сетей на активизм градозащитников. Тем самым медиаидентичность оказывается изменчивой не в силу простого действия медиа, а в силу действенных эффектов целеполагания.

3. Категория агентов должна оставаться открытой: следует учитывать, что новые акторы могут появляться в процессе взаимодействия, и их влияние на медиаидентичность может быть значительным. Новые участники, инфлюенсеры или петербургские реквизиты видеоблогеров, могут не только изменить существующие нарративы, но и создать новые формы взаимодействия и опыта идентичности.

4. Природа фактов: факты о медиаидентичности могут меняться в зависимости от контекста и восприятия, что создаёт неопределённость в отношении чужой медиаидентичности. Сюжеты взаимодействия должны быть оценены определённой аудиторией, прежде чем они могут что-то сказать об идентичности и медиаидентичности разных участников взаимодействия.

5. Рискованные отчеты: неопределённость может возникать из-за недостатка информации или противоречивых данных о медиаидентичности. Игра словами и смыслами в сюжетах взаимодействия представляют собой рискованные отчёты. Поэтому кроме определённости словоупотреблений необходим отчёт в целеполагании этих словоупотреблений.

Продуктивная неопределённость как ресурс конструирования медиаидентичности

Неопределённость может рассматриваться не как проблема, а как ресурс исследования. Она открывает новые возможности для понимания сложных социальных явлений, таких как изучаемая медиаидентичность. Продуктивная неопределённость, выявляемая при учёте источников неопределённости, позволяет исследователям выявлять скрытые связи и динамику, которые могут быть упущены при традиционном подходе.

Латур утверждает, что социальная реальность не является стабильной структурой, а представляет собой как раз динамичную сеть постоянно меняющихся ассоциаций (то есть отношений) между человеческими и нечеловеческими акторами. В этом контексте неопределённость перестаёт быть помехой и становится ключевым инструментом для выявления подразумеваемых смыслов, латентных динамик, приводящих к юмору и катарсису, которые остаются незамеченными при жёстко структурированных методах анализа.

Продуктивная неопределенность (*productive uncertainty*), как мы ее обозначаем, позволяет исследователям выходить за рамки предустановленных категорий и фиксированных моделей, открывая пространство для новых теоретических и эмпирических инсайтов. Например, в исследованиях цифровой идентичности неопределённость помогает зафиксировать, как пользователи социальных сетей постоянно переопределяют себя в зависимости от контекста, платформы и аудитории. Латур в соавторстве с Эмили Эрман (Emilie Hermant) в работе *“Paris: Invisible City”* [Latour, Hermant, 1998] демонстрирует, как нестабильность и незавершённость социальных связей могут быть не недостатком, а источником новых интерпретаций, и в мире цифровой идентичности мы сталкиваемся только с нестабильностью и незавершённостью допустимых для неё текстов и контекстов.

В этом мире цифровой идентичности оптимизационная неопределённость (*optimizational uncertainty*) возникает, когда систе-

ма (будь то индивидуальный пользователь, алгоритм или целая платформа) сталкивается с множеством возможных траекторий развития и не может однозначно выбрать одну из них. В контексте медиаидентичности это состояние всегда заметно: пользователи постоянно балансируют между различными версиями «Я» – профессиональным, личным, политическим, развлекательным.

Такая форма неопределённости, с одной стороны, усложняет анализ, но также и предоставляет исследователям уникальную возможность изучать идентичность в процессе её формирования, а не как застывший конструкт. Латур в работе *“An Inquiry into Modes of Existence”* [Latour 2012] предлагает рассматривать подобные ситуации через призму «модальностей существования» – различных способов, которыми сущности проявляют себя в разных контекстах. Такой подход позволяет уйти от бинарных оппозиций (например, «реальное Я» vs. «онлайн-персона») и вместо этого зафиксировать множественность идентичностей, которые сосуществуют в цифровой среде.

Вместо того чтобы стремиться к фиксации чётких определений или категоризации, продуктивная работа с неопределённостью предполагает анализ фона – тех скрытых условий, контекстов и потенциальных траекторий, которые формируют поле возможностей. Этот методологический поворот отчасти вдохновлён латуровской критикой «социального как готовой сущности» [Latour 2005]. Если традиционные исследования идентичности часто пытаются классифицировать людей по заранее заданным параметрам (гендер, возраст, национальность), то подход, основанный на неопределённости, фокусируется на том, как эти категории возникают, трансформируются и распадаются в процессе взаимодействий.

Исследования, в которых неопределённость была использована как ресурс, показывают, что её учёт может привести к новым открытиям. Например, анализ медиаидентичности в контексте социальных сетей может выявить неожиданные связи между пользователями и контентом, который они создают. Например, как геймеры используют игру не по назначению (Ян Богост). Вместо редукционизма исследователи могут заимствовать из ANT идею «трассировки ассоциаций» (tracing associations) [Latour 2005], фиксируя, как идентичности собираются и рассыпаются в цифровых сетях. Идентичность оказывается не просто функциональной, а по-новому собирающей и воссоздающей чужой функционал, то есть как бы выворачивающей себя ради функционала всей системы.

Мы предлагаем на основании этой идеи несодержательную методологию как общепринятую методологию когнитивных наук

(применённую в том числе для анализа ИИ), то есть методологию, не принимающую заранее данного содержания, что сводило бы вопрос к заранее признанным содержательным сторонам отдельных функций пользовательского поведения.

Принципы и применение несодержательной методологии когнитивизма

Несодержательная методология предлагает несколько принципов, которые могут быть применены для создания продуктивной неопределённости:

Принцип центра: фокус на полипотентности акторов, которые могут проявляться (показывать разные грани) в различных контекстах. Полипотентность существует до отношений и проявляется в отношениях. Например, исследование интерфейса виртуального музея не через свойства, а через то, как он существует в отношениях с пользователем, со своими алгоритмами, маркетинговым отделом, феноменами восприятия, как виртуальный и реальный музеи взаимно определяют друг друга через различные конфигурации отношений.

Принцип отношений: исследование взаимодействий между акторами с петлями обратной связи, а не их фиксированных характеристик. Тогда фокус смещается с вещи на способ её существования в отношениях и сетях. Ведь медиаидентичность – не набор характеристик, а динамическая конфигурация отношений, аффордансов и откликов, обратной связи, корректировки и нового взаимодействия.

Принцип третьего: понимание того, что новое качество может возникать в результате взаимодействия между акторами. В гештальт-терапии, например, это определяется как Оно-ситуации, которые налагают определенные требования на участников. Например, дружба в социальных сетях или партнёрство в игре служат таким третьим элементом, порождающим качества, до этого неизвестные или не до конца известные участникам взаимодействия.

Принцип процесса: рассмотрение медиаидентичности как динамического процесса, а не статичного состояния. Предложенная оптика в разработанной концептуальной модели позволяет выделить четыре стадии и интенсивности процесса или множественность накладывающихся друг на друга и ветвящихся процессов.

Принцип целостности: учёт множества взаимосвязей между акторами и их влияния на медиаидентичность.

В таблице представлена линейная модель конструирования идентичности. Но на каждом этапе – преконтакта, контакта, взаимодействия и трансформации смысла – возможны ответвления в неопределённость посредством переопределения смысла. Мы полагаем, что в ситуации неопределённости продуктивна метафорическая реинтерпретация смысла уже состоявшихся взаимодействий ради выворачивания идентичности для новых смысловых взаимодействий. Например, кризис может оказаться не пределом психических переживаний, а пределом языка описания текущих состояний. Или опыт может оказаться не пределом практического знания, но пределом переосмысления обобщённого (медийно опубликованного) переживания, что позволит освободиться от когнитивных искажений при практическом учёте своего или чужого опыта.

Несодержательная методология и концептуальная модель конструирования идентичности в их многомерности

Преkontakt	Контакт с идеями	Взаимодействие на границе контакта и создание третьего	Изменение идентичности акторов, побывавших во взаимодействии
Телесное переживание	Имеющийся опыт и знания	Интеракция, отношение к третьему, или Оно-ситуации (дружбы)	Переживание медиа в себе
Столкновение разнородных контекстов	Трансформация привычных понятий	Исследование пределов языка. Исследование парадоксов и антиномий	Метафорическое переосмысление
Самосознание	Социальные связи	Стресс	Кризисность

В таблице также представлена тема доконтактного взаимодействия с идеями и создания третьего элемента на границе контакта. Рассматривается, как телесный опыт, знания и отношения играют свою роль в этом взаимодействии, ведя к трансформации идентичностей и концепций. В таблице выявлено столкновение различных контекстов и исследование языковых границ – через парадоксы, метафорическое мышление, грани самосознания, проецирование социальных связей и реакцию на стрессовые кризисы. Важность этих взаимодействий для изменения восприятия и понимания вов-

леченных в них людей представляет собой выворачивание медиаидентичности в сторону вовлеченности и выворачивание самой вовлечённой идентичности в сторону понимания себя и других.

Создание продуктивной неопределённости

Для создания продуктивной неопределённости в контексте ИИ или произвольной спекуляции можно использовать различные техники формулирования запросов, такие как:

- столкновение разнородных контекстов;
- трансформация привычных понятий;
- исследование парадоксов и антиномий;
- метафорическое переосмысление;
- исследование пределов языка;
- выявление новых акторов.

Продуктивная неопределённость позволяет в ходе исследования по этим запросам выявить достаточное число новых акторов, которые могут влиять на конструирование медиаидентичности.

Деконструкция социальных явлений

Применение методов АСТ (акторно-сетевой теории) позволяет деконструировать социальные явления («расщепление волосков», по Латуру), выявляя процессы и связи, способствующие возникновению медиаидентичности. Это позволяет лучше понять, как различные акторы взаимодействуют и как их действия, которые множатся и ветвятся на всех стадиях процесса, влияют на формирование идентичности, сопротивляясь фиксации смысла.

Стабилизация новой сборки

После аналитической деконструкции вольному или невольному носителю медиаидентичности, выступающему как исследователь, важно стабилизировать новые связи и процессы, возникающие в результате взаимодействия акторов, чтобы управлять своим образом. Это может включать в себя создание новых форматов взаимодействия, которые способствуют более устойчивому формированию медиаидентичности как возвращения себя себе прежнему, но в знамении (чудесном самопредъявлении) определённости. Пояснить эту стабилизацию можно на примере нескольких кейсов.

Примеры кейс-стадии

Кейс 1: Применение продуктивной неопределённости в исследовании медиаидентичности в контексте дискурса городской идентичности

Исследование городской идентичности через призму неопределённости позволяет выявить, как различные группы и индивиды

формируют свои идентичности в контексте городского пространства. Опираясь на идеи Сеннета, дополненные АСТ [Сосновская 2024], можно сказать, что продуктивная неопределённость помогает сфокусировать чувства в различных локациях и переживать событийную и пространственную идентификацию, представляя её потом в текстах как предъявляющих прежде невиданную определённость. Так, тексты о телесных переживаниях в городе позволяют понять, как изменения в городской среде влияют на восприятие и конструирование идентичности.

Кейс 2: Анализ взаимодействия акторов в контексте культурного наследия и конструирование медиаидентичности групп в дискурсе

В контексте культурного наследия продуктивная неопределённость позволяет выявить, как различные акторы, группы и представленные посредники в текстах взаимодействуют и формируют представления о культурной идентичности. Такое исследование показывает, как неопределённость в интерпретации культурного наследия влияет на его восприятие. Тогда культурное наследие едино, но границы его различны: презентация, усвоение и участие создают разные границы при единстве наследия. Неопределённость оказывается продуктивной при проведении границ внутри взаимодействия акторов, в момент признания чужой идентичности.

Кейс 3: Продуктивная неопределённость в определении медиаидентичности через шрифт и дизайн на примере работ Одеда Эзера

Работы современного художника Одеда Эзера представляют собой яркий пример продуктивной неопределённости в определении медиаидентичности через шрифт и дизайн. Эзер, обращаясь к традициям еврейской мистики и современного медиаискусства, демонстрирует, как шрифт может стать не просто дизайнерским элементом, а телесным кодом, который определяет реакции на социальную память.

Акторно-сетевая теория Бруно Латура подчёркивает, что системы неустойчивы и зависят от множества факторов, включая тело как активный элемент взаимодействия. Тело в этом контексте не является просто носителем опыта, а становится участником сетевых взаимодействий, что позволяет удерживать систему одновременно в продуктивной неопределённости и также в подвижном равновесии.

Художник использует шрифт как многозначный элемент, который встраивается в культурную память. Его работы демонстрируют, как шрифт может быть не только знаком, но и средством взаимодействия с различными формами восприятия. Например,

в своих проектах Эзер обращается к наследию Франца Кафки, отказываясь от традиционной интерпретации в пользу создания новых смыслов, связанных с биохакингом. Это позволяет ему рассматривать героя Кафки не только как автора судьбы, но и как создателя режима производства книг.

Работы Эзера можно охарактеризовать как шрифтовую метаперформативность, которая объединяет различные формы участия и вовлекает как человеческих, так и нечеловеческих акторов. Это создаёт эффект, выходящий за рамки традиционного понимания искусства и позволяющий рассматривать его как динамическую сеть взаимодействий. Пластичность его работ сближает повседневную оптику со специализированными практиками, такими как медицина, подчёркивая важность телесного участия в процессе восприятия.

Вместо того чтобы интерпретировать работы Эзера, необходимо проводить их реконструкцию с опорой на достижения акторно-сетевой теории и несодержательной методологии. Кейс Одеда Эзера иллюстрирует, как продуктивная неопределённость в определении медиаидентичности может быть достигнута через шрифт и дизайн. Его работы показывают, что шрифт как элемент искусства может стать телесным кодом, определяющим реакции на социальную память и вовлекающим различные формы участия.

Кейс 4: ИИ

Исследование медиаидентичности в контексте взаимодействия с искусственным интеллектом раскрывает новые границы продуктивной неопределённости, где человеческое «Я» постоянно переопределяется через диалог с алгоритмическими системами. Как отмечает Люси Сачман в работе “Human-Machine Reconfigurations” [Suchman 2006], ИИ не просто отражает идентичность пользователя, но активно участвует в её формировании, создавая зоны неопределённости, в которых традиционные категории «авторства» и «агентности» размываются.

В цифровом искусстве, в котором нейросети генерируют изображения на основе цифровых следов пользователей, идентичность не фиксируется, а постоянно пересобирается: алгоритм интерпретирует данные (фотографии, тексты, лайки) и создаёт новые визуальные репрезентации, которые сам пользователь не всегда может признать «своими». Это порождает продуктивную неопределённость – состояние, в котором границы между «реальным Я» и «алгоритмической версией» становятся подвижными. Таким образом, ты оказываешься сразу в ситуации неопределённости, а знамением

оказывается только новый вид пунктума, по Ролану Барту, воспоминание о своей собственной «букве», о своём умении буквально действовать и нести ответственность.

Кейс 5: Виртуальный Эрмитаж

С позиции АСТ (Латур), Виртуальный Эрмитаж можно рассматривать как сеть, где взаимодействуют люди, алгоритмы рекомендаций, цифровые копии картин и даже элементы интерфейса (например, кнопки навигации). Неопределённость возникает именно в точках их пересечения: например, когда алгоритм предлагает пользователю неожиданный маршрут, меняя его восприятие музея. Тем самым уже маршруты оказываются материальными, создавая различные ситуации фрустрации. Но этих фрустраций можно избежать, выстраивая медиаидентичность не как несвободную, что ты привязан к своей комнате и экрану, но как свободную, что ты можешь пересказать увиденное или сформулировать для себя, сделать мысленную копию. Тем самым ты идёшь через букву дальше, к некоторой свободе сделать именно столько-то мысленных копий для сохранения своей медиаидентичности.

Кейс 6: Художник Сергей Бугаев-Африка утащил железную дверь скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница» на ВДНХ (на основе интервью¹)

Дверь для обслуживания фигуры располагалась в промежуточной колхозницы. Сергей заявил о втором своём рождении и новой идентичности (медиаидентичности как художника) после того, как он вышел оттуда и взял дверь как медиа с собой. Это медиа влияет на него. Он сделал шесть копий двери. Здесь и реализована та самая свобода, которая не привязывает человека к репрезентациям, но показывает, как все агенты, признавая идентичность другого, прежде всего способность к чудесному рождению, тем самым позволяют свободно проводить различные границы. Пользуясь словами Д. С. Мережковского [Мережковский 1914], это ситуация третьего завета, Святого Духа и святой плоти. Святую плоть можно тогда отождествлять с медиаидентичностью, сборку – с третьим заветом, а чудесное рождение – с эпохой Духа.

Все кейсы объединяет идея освобождающего потенциала неопределённости:

- у Эзера – через множественность интерпретаций шрифта;
- у Бугаева-Африки – через тиражирование двери как акт сопротивления фиксации идентичности;

¹ Сергей Бугаев о потенциале смотрения, взаимодействии с произведением искусства и завершении эпохи антропоцентризма: паблик-ток в арт-пространстве mArs 14.04.2025. URL: https://vk.com/wall-79098291_9637 (дата обращения: 01.05.2025).

– в Виртуальном Эрмитаже (при условии его развития) – через возможность создавать «мысленные копии» вопреки алгоритмическим предписаниям.

Настоящая медиаидентичность существует только в момент взаимодействия: тела с городом (кейс 1); зрителя с цифровым артефактом или цифровой копией артефакта (кейсы 2 и 5); пользователя с ИИ (кейс 4); художника с материальным медиумом (кейсы 3 и 6), далее фиксация распадается и ждёт нового контакта.

Выводы

Продуктивное использование неопределённости при определении акторов конструирования медиаидентичности открывает новые горизонты для исследования. Это позволяет выявлять скрытые связи и динамики, которые могут быть упущены при традиционном подходе. Продуктивная неопределённость позволяет переосмыслить идентичность не как статичную сущность, а как динамическую сеть отношений, где важны не фиксированные границы, а точки перехода и трансформации.

Исследователям рекомендуется использовать продуктивную неопределённость как ресурс для выявления новых акторов и понимания сложных социальных явлений. Это может включать в себя применение несодержательной методологии (метаоптики и метанарратива) и методов АСТ для более глубокого анализа медиаидентичности. Во всех рассмотренных случаях неопределённость выступает не как препятствие, а как необходимое условие выявления новых форм идентичности. Как показывает кейс городской идентичности (Сеннет) и пример Виртуального Эрмитажа, именно в зонах нестабильности возникают наиболее интересные паттерны самоидентификации, когда субъект балансирует между физическим и цифровым, индивидуальным и коллективным.

Исследование медиаидентичности сквозь призму когнитивных особенностей мышления как человека, так и ИИ позволяет глубже понять, не только как медиа формируют идентичность, но и как сами медиа становятся частью этой идентичности, создавая новые формы участия и взаимодействия со знаками и медиапроцессами в современном мире.

Итак, медиаидентичность представляет собой сложный и динамичный процесс, формируемый через взаимодействие с медиа, где каждый индивид выступает и потребителем, и производителем контента. Это целенаправленное действие позволяет людям

реализовать свою субъектность в медиасреде, что подтверждается примерами видеоблогеров, которые используют реквизиты и медиажанры (пародию) для формирования своего образа. Неопределённость, являясь неотъемлемой частью этого процесса, служит постоянной организацией границ идентичности, подчёркивая необходимость её изучения в контексте социальных взаимодействий. Теоретические основы неопределённости, предложенные такими исследователями, как Урри, Бек, Гидденс и Латур, помогают понять, как сложные взаимодействия влияют на формирование медиаидентичности.

Продуктивная неопределённость становится ресурсом исследования социальных процессов, позволяя выявлять скрытые связи и динамику, которые могут быть упущены при традиционном подходе. Применение несодержательной методологии предоставляет новые принципы анализа медиаидентичности, в том числе ИИ-идентичности, открывая возможности для более глубокого понимания этого явления в его реальном становлении. Кейсы, иллюстрирующие влияние неопределённости на медиаидентичность, демонстрируют, как различные контексты, такие как городская идентичность, культурное наследие и взаимодействие с искусственным интеллектом, формируют новые границы и возможности самовыражения. Итак, продуктивное использование неопределённости открывает новые горизонты для исследования медиаидентичности, подчёркивая ее многогранность и изменчивость в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Изучение практик 2025 – Изучение практик коммуникации: от этнометодологии к теории сетей / под науч. ред. А. М. Сосновской. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2025.
- Курпатов 2025 – Курпатов А. Заслуженный собеседник. Искусство диалога с искусственным интеллектом. М.: Курпатов А. В., 2025. (Интеллектуальные медитации).
- Латур 2017 – Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные ещё большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27, № 1. С. 173–200. doi: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197
- Марков, Сосновская 2025 – Марков А. В., Сосновская А. М. Семиотика буквы в современном искусстве: шрифтовой биохакинг Огеда Эзера // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2025. № 1 (43). С. 70–92. doi: 10.23951/2312-7899-2025-1-70-92

- Мережковский 1914 – Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. М.: Сытин, 1914. Т. 13: Не мир, но меч: к будущей критике христианства.
- Полонский 2022 – Полонский А. В. Медиаидентичность и ее манифестации в современной культуре // Современный дискурс-анализ. 2022. № 2 (30). С. 4–11. EDN: KQKXZJ.
- Привалова 2023 – Привалова О. Ю. Русская идентичность в шрифтовом оформлении логотипов муниципальных газет // Медиалингвистика: материалы докл. участников VII Междунар. конф., Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 г. СПб.: Медиапепир, 2023. С. 540–544. EDN: EOVQXG.
- Седакова 1998 – Седакова О. А. «Чудо» Б. Пастернака в русской поэтической традиции // Пастернаковские чтения. М.: Наследие, 1998. Вып. 2. С. 204–214.
- Сосновская 2024 – Сосновская А. М. Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2024.
- Штайн 2024 – Штайн О. А. Медиаидентичность личности как междисциплинарный объект исследования // Современная социальная философия и перспективы обществознания. Екатеринбург: Деловая книга, 2024. С. 52–58.
- Beck 1992 – Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.
- Bloor 1976 – Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Bryant 2011 – Bryant L. The Democracy of Objects. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2011.
- Butler 1990 – Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990.
- DeLanda 2006 – DeLanda M. A. New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. London: Continuum, 2006.
- Giddens 1991 – Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Harman 2011 – Harman G. The Quadruple Object. Winchester: Zero Books, 2011.
- Latour 2005 – Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Latour 2012 – Latour B. An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge: Harvard University Press, 2012.
- Latour, Hermant 1998 – Latour B., Hermant E. Paris: Invisible City. Paris: La Découverte, 1998.

- MacKenzie 2006 – MacKenzie D. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge: MIT Press, 2006.
- Suchman 2006 – Suchman L. *Human-Machine Reconfigurations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Urry 2005 – Urry J. *Complexity*. London: Sage, 2005.

REFERENCES

- Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a new modernity*. Sage.
- Bloor, D. (1976). *Knowledge and social imagery*. University of Chicago Press.
- Bryant, L. (2011). *The democracy of objects*. Open Humanities Press.
- Butler, J. (1990). *Gender trouble: Feminism and the subversion of identity*. Routledge.
- DeLanda, M. A. (2006). *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. Continuum.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Polity Press.
- Harman, G. (2011). *The quadruple object*. Zero Books.
- Sosnovskaya, A. M. (Ed.) (2025). *Izucheniye praktik kommunikatsii: ot etnometodologii k teorii setey* [Communication practices study: From ethnomethodology to network theory]. Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Kurpatov, A. (2025). *Zasluzhennyy sobesednik. Iskustvo dialoga s iskusstvennym intellektom* [The worthy interlocutor: The art of dialogue with artificial intelligence]. Kurpatov A. V.
- Latour, B. (2005). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford University Press.
- Latour, B. (2012). *An inquiry into modes of existence*. Harvard University Press.
- Latour, B. (2017). Ob aktorno-setevoy teorii. Nekotorye raz'yasneniya, dopolnennyye yeshchyo bol'shimi uslozhnleniyami [On actor-network theory: Some clarifications accompanied by even greater complications]. *Logos*, 27(1), 173–200. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197>
- Latour, B., & Hermant, E. (1998). *Paris: Invisible city*. La Découverte.
- MacKenzie, D. (2006). *An engine, not a camera: How financial models shape markets*. MIT Press.
- Markov, A. V., & Sosnovskaya, A. M. (2025). The semiotics of the letter in contemporary art: Typographic biohacking by Oded Ezer. *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of*

- Visual Semiotics*, 1(43), 70–92. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2025-1-70-92>
- Merezhkovskiy, D. S. (1914). *Polnoe sobranie sochineniy: V 24 t.* [Complete works: In 24 vols.] (Vol. 13). Sytin.
- Polonskiy, A. V. (2022). Mediaidentichnost' i ee manifestatsii v sovremennoy kul'ture [Media identity and its manifestations in contemporary culture]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2(30), 4–11.
- Privalova, O. Yu. (2023). Russkaya identichnost' v shriftovom oformlenii logotipov munitsipal'nykh gazet [Russian identity in font design of municipal newspapers' logos]. In *Medialingvistika: Materialy dokl. uchastnikov VII Mezhdunar. konf.* [Media linguistics: Proceedings of the International Conference] (pp. 540–544). Mediapapir.
- Sedakova, O. A. (1998). "Chudo" B. Pasternaka v russkoy poeticheskoy traditsii ["Miracle" by B. Pasternak in Russian poetic tradition]. In *Pasternakovskie chteniya* [Pasternak Readings] (Vol. 2, pp. 204–214). Nasledie.
- Sosnovskaya, A. M. (2024). *Politika gorodskoy identichnosti v diskurse kul'turnogo naslediya* [Urban identity politics in cultural heritage discourse]. IPTs SZIU RANKhiGS.
- Shteyn, O. A. (2024). Mediaidentichnost' lichnosti kak mezhdistsiplinarnyy ob"ekt issledovaniya [Personal media identity as an interdisciplinary research object]. In *Sovremennaya sotsial'naya filosofiya i perspektivy obshchestvoznaniya* [Modern social philosophy and prospects of social science]. (pp. 52–58). Delovaya kniga.
- Suchman, L. (2006). *Human-machine reconfigurations*. Cambridge University Press.
- Urry, J. (2005). *Complexity*. Sage.

Материал поступил в редакцию 13.03.2025

Материал поступил в редакцию после рецензирования 20.07.2025